

— Что за ситуация? — Цзян Пэн посмотрел на Линь Шисиня. — Он что, подумал, будто я тебя как-то обидел? Брр!

После уроков, проводив Линь Шисиня, Ци Фэйжань на обратном пути домой заметил, как рядом с ним медленно остановился черный лимузин.

Все было как всегда: только что объявили результаты пробных экзаменов, и отец тут как тут. Ци Фэйжань открыл дверь и сел внутрь, увидев старого управляющего Юя и Чэнь Миншэна на переднем сиденье.

— Фэйжань, сегодня у меня было свободное время, вот я и решил вместе с Юем тебя встретить, — с улыбкой сказал Чэнь Миншэн.

— Не стоило беспокоиться, можно было просто позвонить, — ответил Ци Фэйжань, открыв окно и слегка высунувшись наружу. Ему было тяжело дышать из-за густого запаха одеколона в машине.

— Что хочешь на ужин? Сегодня все повара дома, — спросил Чэнь Миншэн. Обычно дома было всего один или два повара.

— Да что угодно, я не голоден, — ответил Ци Фэйжань. Он уже поужинал жареными колбасками с Линь Шисинем на вечернем рынке около шести.

— Фэйжань... — Чэнь Миншэн посмотрел на его профиль через зеркало заднего вида. Высокие скулы, острые глаза, тонкие губы, идеальная линия подбородка — все это было словно произведение искусства, созданное с любовью самим Богом.

— М? — спросил Ци Фэйжань, бросив на него взгляд.

Чэнь Миншэн поспешно отвел глаза.

— Через три месяца мы уезжаем из города Ин.

Ци Фэйжань подумал, что речь идет об университете.

— Ага.

Тогда твоя первая любовь закончится. Чэнь Миншэн про себя вздохнул.

Ци Фэйжань вышел из машины, прошел по коридору и вошел в комнату. Там за рабочим столом сидел только Ци Ляньхуай. Он немного расслабился, подумав, что отец снова собрал родственников и руководителей, чтобы похвастаться его успехами.

— Четвертое место в параллели на пробных экзаменах, неплохо, — с улыбкой сказал Ци Ляньхуай, глядя на сына.

Он был одет в темно-синий костюм с белой рубашкой. Несмотря на худобу, он был высоким, с глубокими глазницами, в тонкой оправе золотых очков. Его щеки были впалыми, кожа сухой, как бумага, а длинные руки с выступающими венами выглядели сильными. Он поднял руку, указывая Ци Фэйжаню сесть на стул рядом.

— Ну, сойдет, — ответил Ци Фэйжань, взглянув на отца. Он подумал: «Как он похудел? Его что, высосали досуха?»

— Если я не ошибаюсь, ты собираешься поступать на факультет финансов, — сказал Ци Ляньхуай.

— Да.

— С текущими результатами Стэнфорд тебе обеспечен. Рекомендательные письма уже готовы.

— Стэнфорд? — Ци Фэйжань словно услышал что-то невероятное. — Кто туда поедет? Я больше не собираюсь за границу.

Ци Фэйжань встал и направился к выходу, но Ци Ляньхуай остановил его:

— Ты вернулся сюда, чтобы сдать гаокао и доказать свои способности. Я позволил тебе поступить по-своему. Ты что, думаешь, что диплом Университета А или Университета F поможет тебе занять мое место?

Ци Фэйжань рассмеялся:

— Какое еще место? Когда я вообще интересовался этим? Я поступлю туда, куда смогу.

— Не стоило тебя отпускать. Всего за несколько месяцев ты уже начал говорить с местным акцентом, — сказал Ци Ляньхуай.

— Вы ведь тоже коренной житель города Ин, не притворяйтесь иностранцем, father, — Ци Фэйжань уже дошел до двери.

Сын с самого детства демонстрировал свои превосходные гены. Для Ци Ляньхуая, достигшего таких высот, самым успешным проектом с точки зрения возврата инвестиций был не знаменитый проект 117, не телекоммуникационная индустрия в городе X, и не слияние акций авиакомпаний в стране J, а именно этот сын.

Сын, который был смелым, умным и безжалостным, почти копией его самого в молодости. Он мог без колебаний заплатить выкуп в миллиарды, если бы его похитили, отдать все свое состояние ради него, но он не позволил бы ему расти как попало.

— Послезавтра в группе будет церемония открытия. Твой одноклассник Линь, как известная личность города Ин, тоже приглашен. Вы придете вместе, — Ци Ляньхуай использовал свой козырь.

Услышав это, Ци Фэйжань остановился. Он повернулся к отцу с ледяным выражением лица, словно в него вселился злой дух:

— Что вы задумали?

Сын вступил в долгий период бунтарства. Ци Ляньхуай не хотел ломать крылья своему сыну, но чужие он мог сломать без сожаления. Он давно искал слабое место Ци Фэйжаня. На самом деле, после смерти матери сын стал бесстрашным и не имел слабостей.

Но в канун Нового года мальчик в красной пуховике постучал в их дверь, сказав, что принес богатство.

Ци Ляньхуай понял по взгляду сына, что слабость нашлась.

— Этот мальчишка, хотя и из бедной семьи, но сам по себе очень талантливый, подходит тебе,

— Ци Ляньхуай поправил очки. — Но не заходи слишком далеко. В будущем тебе все равно нужно будет жениться на женщине.

— Зачем вы его расследовали? — Ци Фэйжань был настороже. — Он не из нашего круга, не втягивайте его в это. И, кстати, вы ведь слышали про суррогатное материнство, верно?

Он усмехнулся.

— Сын, ты должен жениться на хорошей женщине, которая будет любить тебя, чтобы родить таких же талантливых детей, как ты. Посмотри на Ци Шихая, я позволил ему носить нашу фамилию, и это уже милость...

— Хватит! — Ци Фэйжань не мог поверить своим ушам. Он давно шутил, что он — «товар», но не думал, что этот «товар» готовился с самого начала. Его мать, родившаяся в знатной семье, вероятно, до самой смерти не знала об этом!

Он схватил антикварную вазу у двери и с силой бросил ее на пол, разбив вдребезги.

Он выбежал из дома, словно увидел призрак, и столкнулся с Чэнь Миншэном, который как раз накрывал на стол и нес букет лилий.

— Что случилось? — спросил Чэнь Миншэн, глядя на осколки керамики.

— Ничего, — Ци Ляньхуай спокойно откинулся на спинку кресла, сложив руки на коленях. — Он однажды сказал, что эти цветы красивые, и ты уже больше двух недель ставишь лилии. Ты же знаешь...

Он улыбнулся, глядя на Чэнь Миншэна.

— Мой сын не любит вещи, которые использовали другие.

Ночь была прохладной. Ци Фэйжань лежал в кресле-качалке на балконе, запрокинув голову, и смотрел на закладку-бабочку в руках, освещенную звездным светом.

Он знал, что эту бабочку нарисовал Линь Шисинь. Во время репетиций спектакля «Лян Шаньбо и Чжу Интай» он рисовал бабочек для вееров и афиш.

От набросков до поиска ювелира, до окончательного вида, шлифовки и плетения узла — все эти сложные этапы показывали, как Линь Шисинь любит его.

Он потушил сигарету. В последнее время он курил слишком много, и земля вокруг была усыпана окурками. Он курил, пока не почувствовал сухость во рту, но тревога не уходила.

На телефоне было новое сообщение от Линь Шисиня: [Директор поручил мне написать речь для церемонии открытия нового здания. Я сейчас ломаю голову над этим.]

В последнее время Ци Фэйжань жил слишком спокойно и счастливо, расслабился и забыл о бдительности. Оказалось, что рука отца уже протянулась к нему. События в стране F были еще свежи в памяти, и только благодаря усилиям двух отрядов адвокатов отца он смог выбраться оттуда. Теперь он снова попадал в этот замкнутый круг.

Лесть, лицемерие, все эти формальные вечеринки превращались в оргии, все эти так называемые отношения становились откровенными сделками. Это был их круг.

Линь Шисинь был таким чистым, как он мог позволить ему увидеть это?

У Ци Фэйжэня было $(n+1)^{\infty}$ способов справиться с Ци Ляньхуаем, и раньше он даже думал о «самоуничтожении», чтобы разрушить самый ценный «товар» отца — самого себя.

Но теперь отец мог легко справиться с ним. У него было столько темных историй, и любая из них, которую отец мог открыть Линь Шисиню, стала бы катастрофой.

Если эта бабочка будет отнята, если эти чистые, как черные алмазы, глаза, полные любви, больше не посмотрят на него, то какой смысл жить?

Он почувствовал удушье и закашлялся, как тогда, когда его похитили, и ему сдавили горло.

На следующий день школа выделила Линь Шисиню специальную стипендию — 1 000 юаней, чтобы он купил себе одежду для церемонии открытия нового здания «Инцзунь», которое должно было стать новой достопримечательностью города Ин на следующий день.

Здание «Инцзунь» спроектировано в форме древнего сосуда для вина «цзунь», с ажурными узорами наверху, овальным корпусом в середине и четырьмя опорами внизу. Оно имеет 93 этажа и высоту 430 метров.

<http://bllate.org/book/17671/1647160>